

УДК 631.527(092)(477)

МИГУНОВА

Елена Сергеевна,
ведущий научный сотрудник
лаборатории экологии леса
Украинского НИИ лесного хозяйства
и агролесомелиорации
им. Г.Н. Высоцкого,
д-р с.-х. наук, проф.
(г. Харьков)

**ДМИТРИЙ ГЕРМОГЕНОВИЧ ВИЛЕНСКИЙ (1892–1960),
УЧЕНЫЙ И ЧЕЛОВЕК**

Коротко охарактеризовано життєвий і творчий шлях великого вченого в галузі ґрунтознавства Д.Г. Виленського (1892–1960). Закінчив у 1915 р. Київський університет, викладав у сільськогосподарських інститутах і університетах Саратова, Тбілісі, Харкова, Києва й Москви. Перші роботи присвячені проблемам сільського господарства, ботаніки, пізніше ґрунтознавству – походженню й меліорації засолених ґрунтів, процесам ґрунтоутворення, у тому числі буроземоутворенням, методам вивчення структури й штучного поліпшення структури ґрунтів, ґрунтовому районуванню та ін. Опублікував понад 200 наукових праць, у тому числі 12 монографій і кілька підручників і навчальних посібників. Серед них фундаментальний курс „Ґрунтознавство”, що витримав 3 видання (1950, 1954, 1957).

Кратко охарактеризован жизненный и творческий путь крупного ученого в области почвоведения Д.Г. Виленского (1892-1960). Закончил в 1915 г. Киевский университет, преподавал в сельскохозяйственных институтах и университетах Саратова, Тбилиси, Харькова, Киева и Москвы. Первые работы посвящены проблемам сельского хозяйства, ботаники, позже почвоведению – происхождению и мелиорации засоленных почв, процессам почвообразования, методам изучения структуры и искусственного оструктурирования почв, почвенному районированию и др. Опубликовал более 200 научных работ, в том числе 12 монографий и несколько учебников и учебных пособий. Среди них фундаментальный курс «Почвоведение», выдержавший три издания (1950, 1954, 1957).

Life and creative development of outstanding scientist in soil science D.G.Vilensky (1892-1960) is characterized shortly. In 1915 he graduated from Kiev University, worked as a teacher in agriculture institutes and universities of Saratov, Tbilisi, Kharkov, Kiev and Moscow. His first papers were devoted to problems of agriculture, botany, later – to soil science, that is origin and melioration of salt soils, soil forming processes, methods of research of structure and artificial aggregation of

soils, soil zoning etc. He published more than 200 scientific works, including 12 monographs and several manuals, especially fundamental course «Soil science», which passed 3 editions (1950, 1954, 1957).

Еще в студенческие годы мне довелось познакомиться, а потом в течение ряда лет работать под руководством крупного ученого заведующего кафедрой географии почв Биолого-почвенного факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова профессора, доктора геолого-минералогических наук Дмитрия Гермогеновича Виленского. И по прошествии многих лет из памяти не стираются первые впечатления от встречи с человеком, не только обладавшим огромными знаниями в разных областях естествознания, но и создавшего крупные научные разработки, выдвинувшие его на положение одного из корифеев отечественного почвоведения.

Д.Г. Виленский (1961 г.)

Дмитрий Гермогенович родился 1 июля 1892 г. в городе Шепетовка (Волынская губерния России, ныне Хмельницкая область Украины) в семье священника. Мать его была учительницей в земской школе. В 1912 году Д.Г. Виленский поступил в Киевский политехнический институт, который закончил в 1915 году. После окончания в 1915 г. агрономического факультета Киевского университета в течение двух лет был практикантом на Краснокутской опытной станции, а далее еще два года стипендиатом по подготовке к профессорскому званию по кафедре частного земледелия Университета, продолжая работать на той же станции, а также начав преподавательскую деятельность на Саратовских высших сельскохозяйственных курсах [2].

С 1915 по 1921 год Виленский работал преподавателем Саратовского сельскохозяйственного института. В эти годы он серьезно занимался изучением растительности Поволжья. Он исследует состав и продуктивность заливных лугов, приволжских лесов, в том числе описывает новые виды ковыля и

лугового ячменя и предпринимает опыт подразделения Юго-востока Европейской России на ботанико-географические районы. Позже, уже во время работы на Украине, Виленский опубликовал учебник «Ботаника» для сельскохозяйственных высших учебных заведений, вышедший двумя изданиями. Всего по вопросам ботаники им опубликовано около тридцати научных работ.

В 1921 г. Д.Г. Виленский переехал в Тбилиси, где начал работать на кафедре ботаники и общего земледелия сельскохозяйственного факультета Политехнического института. Курс почвоведения в этом институте читал один из крупнейших почвоведов того времени профессор С.А. Захаров. Научные интересы Виленского в эти годы все в большей мере склоняются в сторону почвоведения. Он работает очень плодотворно. В 1924 г. выходят из печати две крупные его работы: «Засоленные почвы, их происхождение, состав и способы улучшения» и «Аналогичные ряды в почвообразовании и их значение для построения генетической классификации почв».

В книге о засоленных почвах Виленский изложил теорию происхождения солонцов из солончаков. На основе анализа истории развития речных долин южных областей России Дмитрий Гермогенович пришел к выводу, что солонцы сформировались в результате рассоления солончаков при отрыве низких речных террас от грунтовых вод. Идею происхождения солонцов из солончаков в результате рассоления последних развивал в эти годы К.К.Гедройц. Однако он этот процесс трактовал с физико-химической точки зрения, а Д.Г. Виленский – с эволюционно-географической.

Идеи Гедройца были восприняты как необыкновенно оригинальные, в связи с чем ученый сразу же превратился в живого классика и вошел им в историю почвоведения. Работа Виленского была воспринята гораздо более спокойно. Ее материалы не вошли в учебную литературу и вскоре забылись. Между тем в ней рассмотрены не только вопросы происхождения и развития засоленных почв, но есть еще и крупный раздел по мелиорации этих почв, в

том числе предложено выделение трех типов мелиораций – физических, химических и биологических.

Очень интересна и вторая работа Виленского – об аналогичных рядах в почвообразовании. По мнению ученого, разнообразие почв определяется с одной стороны преобладанием того или иного фактора почвообразования, а с другой – степенью развития почвы. На общем пути эволюции все почвы проходят аналогичные фазы развития. Исходя из этих положений, автор все почвы разделил на 11 отделов по преобладающему участию почвообразователей, а в пределах отделов выделены ряды, которые соответствуют степени развития почв. Несмотря на целый ряд достоинств, эта работа Дмитрия Гермогеновича не только не получила широкого признания, но впоследствии явилась причиной весьма драматических событий в его жизни.

В 1924 году, после того как сельскохозяйственный факультет Тбилисского политехнического института был закрыт, Виленский получил приглашение Харьковского сельскохозяйственного института на должность заведующего кафедрой сельскохозяйственной ботаники. С этого времени начинается «украинский период» его научной и научно-организационной деятельности, продолжавшийся до осени 1933 г. В эти годы он проводит комплексные исследования почв и растительности ряда областей Украины. Особое внимание при этом уделяется изучению солонцов и солончаков, в том числе солончаков побережья Сиваша, в связи с задачами их мелиоративного освоения.

Большое количество работ Виленского публикуется в эти годы в ведущих отечественных и зарубежных журналах. Его имя приобретает все большую известность. Он включается в состав советской делегации почвоведов на Первый международный почвенный конгресс в Вашингтоне (1927 г.), а в 1930 г. становится генеральным секретарем оргкомитета Второго международного конгресса почвоведов в Москве и Ленинграде. На этом конгрессе он избирается секретарем Международной комиссии по классификации, географии и картографии почв. Такая активная деятельность

Д.Г. Виленского в Международных организациях определялась в значительной мере свободным владением им несколькими иностранными языками. Эти же тесные зарубежные связи обусловили, по-видимому и то, что в 1933 г. он переходит на работу в Московский университет сначала в качестве профессора кафедры почвоведения, а в 1939 г. создает самостоятельную кафедру географии почв и руководит ею до конца своей жизни (1960 г.).

Наряду с вопросами генезиса, классификации и географии почв, его внимание в этот период все больше привлекают проблемы физики почв, особенно структуры и противозерозионной устойчивости почв, методов их изучения. Виленский считал структурность почв одним из важнейших факторов их плодородия. В эти же годы ученый разработал методику крупномасштабного и детального картографирования почв, нашедшую широкое использование при картировании почв сортоучастков, закладывавшихся по всей территории страны для испытания новых сортов сельскохозяйственных культур.

В 1940-х годах при исследовании почв Бештаугорского лесопарка по его инициативе впервые ставятся опыты по изучению биологического круговорота элементов питания растений под различными типами древесных насаждений. В последующем, уже после войны, это направление исследований подхватил заведующий кафедрой почвоведения МГУ профессор Н.П. Ремезов, а далее им начали заниматься многие кафедры и лаборатории почвоведения учебных и исследовательских институтов лесного профиля.

Особенно широкомасштабные работы, с организацией сети стационаров, были организованы Лабораторией лесоведения АН СССР под руководством акад. В.Н. Сукачева. Эти работы, продолжавшиеся на протяжении не менее 10 лет, потребовали затраты огромного труда и средств. Однако отсутствие удовлетворительных методик учета биомассы в лесах, особенно прироста корней и корнепада, привели к тому, что проведенные исследования не дали сколько-нибудь интересных научных результатов. Примечательно, что, как нам представляется, имя Виленского при проведении всех этих работ никогда не

вспоминалось. Приоритет в их организации прочно закрепился за Н.П. Ремезовым. Так апробированное Д.Г. Виленским на примере кандидатской диссертации направление, которым он в последующем никогда не занимался, получило очень широкое распространение. В то же время многие весьма интересные его разработки не получили признания и применения.

В этом плане период его работы на Украине оказался, пожалуй, наиболее плодотворным. В качестве примера приведем его разработку новой номенклатуры генетических горизонтов почв. В одной из работ, подготовленных им для демонстрации на I Международном конгрессе почвоведов в Вашингтоне (1927 г.), Д.Г. Виленский использовал вместо общепринятых индексов генетических горизонтов почв, предложенных В.В. Докучаевым – А, В, С, – индексы по начальным буквам характерных для тех или других горизонтов процессов (Е – элювиальный, I – иллювиальный и др.). В целом в то время это нововведение не вызвало особого интереса, хотя в последующем подобные попытки усовершенствования индексации почвенных горизонтов предпринимались неоднократно. Академик же А.Н. Соколовский [6] уже в 1930 г. несколько усовершенствовал предложенную Виленским номенклатуру горизонтов и содействовал ее использованию при проведении почвенных исследований. В результате со временем она стала в Украине общепринятой. При этом приоритет в ее разработке закрепился за Соколовским.

Нам представляется, что в данном случае важнее не то, кто предложил этот очень перспективный принцип индексации генетических горизонтов почв, а то, что он получил не только известность, но и сделался общепринятым при проведении всех почвенных исследований на территории Украины. Чтобы этого добиться необходимо было приложить немалые усилия. Хотя, безусловно, истина, особенно в науке, превышает все.

И второй пример. Во время работы в Харьковском СХИ Д.Г. Виленский заложил опыт по искусственному осолонцеванию почв – вывез и рассыпал на поляне в находящемся неподалеку лесопарке одну или две телеги поваренной

соли в расчете на то, что при вымывании натрий соли будет вытеснять из поглощающего комплекса кальций, а это повлечет за собой осолонцевание почв. Действительно, предположение подтвердилось и довольно скоро в почвах появился горизонт, имеющий признаки осолонцевания, – уплотнение и низкую водопроницаемость. Нам не известно, в каком году был заложен этот очень интересный и редкий опыт искусственного изменения направления почвообразовательного процесса и опубликовал ли Д.Г. Виленский где-либо результаты этого эксперимента. Если не опубликовал, то это могло быть связано с его крайней занятостью в период работ I и II Международных конгрессов, либо с по-видимому неожиданным переездом в Киев. Но в Харькове о результатах этого опыта было безусловно известно и многолетние работы по искусственному осолонцеванию грунтов при строительстве каналов и водохранилищ, проводившиеся в последующем под руководством акад. А.Н. Солоковского [7 и др.], безусловно основывались на полученных Виленским результатах. Однако наблюдения показали, что эффект однократного осолонцевания недолговечен и без постоянного пополнения ионов натрия устойчивый солонцовый процесс невозможен. Заметим, что у украинских почвоведов прижился и предложенный Виленским термин «галогенез» (от *hals* – соль), не получивший распространения в других регионах.

Кроме названных выше, Д.Г. Виленский опубликовал в этот период еще целую серию крупных постановочных работ. Среди них статьи «Почвы Северной и Южной Америки» (1936 г.), «О некоторых закономерностях развития почвообразовательного процесса» (1937 г.), «Буроземный почвообразовательный процесс» (1947 г.), монографии «Агрегация почв – ее теория и практическое приложение» (1945 г.) и «Русская почвенно-картографическая школа и ее влияние на развитие мировой картографии почв» (1945 г.).

В августе 1948 г. состоялась известная сессия Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук (ВАСХНИЛ), на которой с докладом «О

положении в биологической науке» выступил Т.Д. Лысенко, сыгравшая драматическую роль в истории советской биологической науки, в том числе и почвоведения. В докладе, в частности, резко критиковались получившие широкое распространение идеи приоритетной роли внутри- и межвидовых отношений в природе, при явном преуменьшении значения среды для живых организмов, и практически полный отрыв академической биологии от решения крупных народнохозяйственных проблем. В области почвоведения единственно правильным направлением было признано учение В.Р. Вильямса.

После этой сессии в разных научных учреждениях проходило обсуждение работ, признававшихся наиболее несоответствующими декларируемым в докладе Лысенко принципам. На Почвенном отделении МГУ таким «козлом отпущения» оказался Д.Г. Виленский и его «аналогичные ряды» почв. По ассоциации с какой-то зарубежной философской теорией, в которой фигурировал термин «аналогии» и которая была признана в СССР реакционной, работу Виленского тоже определили таковой. Ожесточенно критиковали и ряд других положений Д.Г. Виленского. В частности проф. Качинский ополчился против предложенных им методов искусственного оструктурирования почв. Основной причиной этой критики было, на наш взгляд, то, что Виленский вторгся в сферу непосредственных научных интересов Качинского. Еще целый ряд резких критических высказываний в адрес Д.Г. Виленского, в частности его бывшей аспирантки Т.И. Евдокимовой, делались, как говорится, просто для «галочки». Однако возможно именно эта незаслуженная разборка явилась причиной того, что Д.Г. Виленский, среди очень немногих почвоведов того периода, оказался в лагере сторонников Лысенко и Вильямса.

Нужно, однако, иметь в виду, что для «вступления» Д.Г. Виленского в лагерь лысенковцев был еще целый ряд причин. Во-первых, он многие годы очень основательно занимался не только изучением структуры почв, считая ее одним из важнейших факторов плодородия почв, но и разработкой методов ее анализа и, более того, методов искусственного оструктурирования почв, для чего

разработал специальную машину. Значение структуры почв в почвоведении восходит к П.А. Костычеву. Его ученик и последователь В.Р. Вильямс также придавал структуре почв исключительную роль в борьбе за влагу, следствием чего явилось главное звено предложенных им мероприятий – травопольная система земледелия. Это безусловно было фактором, сближающим позиции Виленского и Вильямса. Нужно также принять во внимание тот факт, что в течение 20 лет (1930–1949) он был членом редколлегии журнала «Почвоведение», в том числе около 10 лет (1930–1939) – одним из трех его редакторов – совместно с В.Р. Вильямсом и А.А. Яриловым. Поэтому они не только хорошо знали друг друга, но и имели возможность наблюдать и обсуждать путь, которым шло развитие науки в почвах в тот период. А он был весьма неоднозначным.

После преждевременного ухода из жизни основоположника нового генетического почвоведения В.В. Докучаева и его сооснователей, какими ранее считались П.А. Костычев и Н.М. Сибирцев, полностью признававших прежние взгляды на почву как среду обитания растений, и приходом в почвоведение новых ученых, во главе которых встал К.Д. Глинка, положение существенно изменилось.

Глинка полностью отмежевывается от прежних воззрений на почву как почвенную массу или среду, «жилище» растений. Грань этого размежевания пролегла через разное восприятие значения состава и строения почв. Агрогеологи изучали почвы как субстрат для выращивания растений примерно так, как оценивает их крестьянин, растирая между пальцами. В этом случае важнейшее значение имеют химический состав и физические свойства почв, наследуемые от материнской породы. Почвоведы генетической школы при Глинке сосредоточили внимание на происхождении и развитии почв, которые выявлялись в процессе изучения морфологии почв, строения их вертикального профиля, степени выраженности и соотношения в нем тех или других генетических горизонтов. В.В. Докучаев, положивший начало этому принципу изучения почв, никогда не отрицал влияния почвообразующих пород на

свойства почв, особенно на их производительность. А вот что писал в своем учебнике Глинка «Для нас в настоящее время до очевидности ясно, что **наиболее надежным руководителем в деле характеристики и классификации почв является способ их происхождения, что материал, из которого образовались почвы, в большинстве случаев имеет гораздо меньшее значение, а в некоторых случаях его значение может быть сведено к нулю**, по сравнению с тем мощным влиянием, которое оказывают в процессах почвообразования факторы климата и растительная формация» [2, с. 338; выделено нами, Е.М.].

Из этого положения, которое сохранилось во всех шести изданиях руководства Глинки, следует, что его автор практически полностью отрицал значение состава почв, обусловленного исходной материнской породой, для их генезиса. В определенной мере это правомерно, поскольку строение почвенного профиля, по которому определяется генетический тип почв, связано прежде всего с режимом увлажнения. Материнская же порода определяет особенности почв как среды обитания, прежде всего их обеспеченность элементами питания. Однако эта проблема была Глинкой полностью снята. В его учебнике отсутствует не только раздел о почве как массе или среде, но и вообще все, что касается пригодности почв для роста растений и их продуктивности, в том числе раздел бонитировки почв, которым завершался учебник Сибирцева. Сибирцев называл бонитировку изучением почв как среды обитания, напрямую увязывая ее таким образом с прежними представлениями о почвах и их плодородии.

Такое изменение подходов к почве стало возможным в связи с ярко выраженной у Глинки и широко декларируемой им позицией понимания науки как «чистого» знания, исключения из нее любых практических вопросов, *«служения истине, но не пользе»*, о чем он пишет уже во Введении к своему учебнику. Вспомним в связи с этим великого Д.И. Менделеева, считавшего главными задачами науки *предвидение* и *пользу*. В этом одно из главных принципиальных отличий школы почвоведов Докучаева и пришедшей ей на

смену новой школы почвоведов-генетиков Глинки. В результате, как утверждал А.А. Ярилов, *«ученики Докучаева уже через шесть лет после его смерти оторвались от тесного содружества с агрономией, которое самым энергичным образом устанавливал Докучаев»* [9, с. 13].

Если бы положения, подобные глинковским, выдвигались в астрономии или археологии, это еще в какой-то мере допустимо, но для почв – основного объекта сельскохозяйственного производства – такой подход представляется не просто ошибочным, но и очень опасным. Между тем все пришедшие в почвоведение вслед за Глинкой исследователи, считающие себя истинными докучаевцами, разделяли его взгляды, формируя своими исследованиями почвоведение как чисто академическую, фундаментальную науку. И лишь Вильямс продолжил направление, сложившееся на последних этапах творческой деятельности Докучаева (многие десятилетия замалчиваемое) и успешно осуществленное Сибирцевым в процессе чтения им лекций в Ново-Александрийском институте, о почвоведении как центральной сельскохозяйственной дисциплине, **«научно-теоретической базе земледелия, без которой оно неминуемо переходит в разряд опытного дела»** (Вильямс, 1935). По тем последствиям, которые имела осуществленная К.Д. Глинкой переориентация для последующего развития почвоведения в отечественной науке мало что может сравниться.

Среди почвоведов с самого начала активно поддерживали Лысенко последователи Вильямса, продолжавшие в тот период, уже после его смерти (1939), работать на кафедре почвоведения Тимирязевской сельскохозяйственной академии (ТСХА), которой он руководил более 40 лет и которая все эти годы оставалась основным оплотом сельскохозяйственного почвоведения. Из почвоведов других научных учреждений к ним подключился, кажется, только Д.Г. Виленский, а в дальнейшем к нему примкнули проф. МГУ Н.П. Ремезов и проф. Почвенного института С.С. Соколов, вскоре назначенный, правда ненадолго, его директором.

Мы не беремся судить, насколько искренен был Д.Г. Виленский, критикуя в лысенковский период отдельных ученых и целые научные коллективы, отошедшие от основных заповедей классиков почвоведения, с учетом того, что и учение Вильямса далеко не безупречно, и оно безусловно не может заменить коллективный труд почвоведов по оформлению своей науки. Тем более, что сам Виленский был, как и большинство, приверженцем почвоведения как академической, а не прикладной науки. Что же касается Лысенко, то не только ряд его теоретических положений, но главное – его методы борьбы с учеными, не являющимися его единомышленниками, возможные в тот период в связи с ситуацией в стране, безусловно заслуживают осуждения, тем более что они существенно затормозили развитие многих передовых направлений генетики и ряда других наук.

Но были среди работ того периода и положительные моменты – биологи стали постепенно отступать от идеи «ожесточенной борьбы за существование». Теперь уже мало кто помнит то время, когда одним из главных в этой науке был вопрос: внутри- или межвидовые отношения являются наиболее ожесточенными. Перевод почвенных отделений университетов с геологических на биологические факультеты, способствовал некоторой биологизации науки о почве. Это определяла уже одна необходимость готовить кандидатские и докторские диссертации по специальности биологических, а не геолого-минералогических наук, как прежде.

Но наиболее грандиозным мероприятием, осуществленным в период лысенковщины, была безусловно разработка и внедрение мероприятий по борьбе с засухами, изложенных в Постановлении Совета Министров СССР от 20 октября 1948 г., представляющих грандиозный план оздоровления природы степной и лесостепной зон Европейской территории страны, сильно нарушенных многовековой хищнической эксплуатацией их основного богатства – черноземных почв. Вскоре он получил название Плана преобразования природы. В его основу были заложены мероприятия, разработанные Особой экспедицией В.В. Докучаева и его последователями.

Трудно представить, как могла разрушенная тяжелейшей войной страна после постигшей ее жестокой засухи 1946 года пойти на такое грандиозное мероприятие, чтобы «и засуху победить». Неокрепшая после войны страна выделила на внедрение этих мероприятий, названных комплексом Докучаева-Костычева-Вильямса, огромные средства. За период 1949-1953 гг. было создано более 2 млн. га защитных лесных насаждений, в том числе восемь широких сотнекилометровых государственных лесных полос.

К сожалению, в погоне за объемами, при отводе земель, размещении лесных полос, заготовке и выращивании посадочного материала, технологии создания насаждений были допущены серьезные ошибки. Однако в процессе работ по выполнению данного плана был накоплен и большой положительный опыт, касающийся многих проблем земледелия и защитного лесоразведения в степи. В целом же по широте и масштабам осуществленных в тот период на огромной территории засушливых зон страны мероприятий этот опыт борьбы с неблагоприятными явлениями природы не имеет себе равных в мировой истории.

Д.Г. Виленский сразу подключился к решению проблем, возникавших при осуществлении этого плана. В 1950 году студенты кафедры собирали материалы для своих дипломных работ на одном из основных объектов Докучаевской экспедиции – в Каменной Степи, где уже функционировал в то время Институт земледелия Центрально-черноземной полосы и где эффект от внедрения разработанного Особой экспедицией комплекса мероприятий проявился наиболее рельефно – в засуху 1946 года урожайность всех культур на землях института сохранилась почти такой же, как и в обычные по погодным условиям годы.

Студенты кафедры изучали влияние лесных полос и травосеяния – основных компонентов комплекса Докучаева-Костычева-Вильямса – на черноземы. В дальнейшем широкомасштабные исследования по одному из центральных вопросов плана – разработке способов создания устойчивых лесных насаждений в засушливых степях – на протяжении многих лет вели

сотрудники кафедры физики и мелиорации почв МГУ, руководимой проф. Н.А. Качинским, и ряда лабораторий Почвенного института им. В.В. Докучаева под руководством проф. А.А. Роде.

Автор данной статьи, начав изучение воздействия древесной растительности на черноземы в Каменной Степи, в дальнейшем продолжил их на других объектах Особой экспедиции Докучаева и в ряде естественных лесных массивах, подготовив и защитив по ним кандидатскую диссертацию. Основным ее результатом было обоснование отсутствия под лесом на черноземах процесса их деградации, разрушения, с переходом в более бедные типы почв [4]. В связи с этим необходимо отметить следующее. Когда во второй половине XIX века в биологии получали широкое признание идеи Ч. Дарвина об определяющей роли борьбы за существование в развитии природы, они были очень активно восприняты в России. Одним из первых проводников их был молодой геоботаник С.И. Коржинский, выступивший с идеей о лесе, как мощной растительной формации, которая даже при неизменных климатических условиях наступает на степь, теснит ее, разрушая при этом накопленный степной растительностью гумус и переводя богатые черноземы через ряд стадий в бедные подзолистые почвы (1888). Несмотря на то, что автор не привел никаких конкретных подтверждений своей гипотезы и что против нее сразу же выступил В.В. Докучаев, утверждавший, что ему не известны случаи, когда бы лес «съедал» гумус почв, и в целом противопоставивший идеям Дарвина, воспринятым им как известно от Мальтуса, свой закон содружества и сопомощи в природе, идеи Коржинского на многие десятилетия завладели умами почвоведов. Лишь получившие в процессе внедрения мероприятий Плана преобразования природы широкий размах работы по изучению взаимосвязей леса и почв, внесли наконец ясность в этот вопрос.

Значительно позже, в 1880 году, мы провели повторные исследования по данной проблеме, в том числе на старых и ряде новых объектов. Особенно впечатляющие результаты дало изучение почв под 100-летними дубовыми

посадками Велико-Анадоля – мощнейший гумусовый горизонт, огромные запасы гумуса, прекрасная структура. Недаром сотрудники Комплексной экспедиции Днепропетровского университета под руководством проф. А.Л. Бельгарда дали таким черноземам особое определение – «лесоулучшенные» [8]. В более засушливых условиях, в частности на южных черноземах быв. Владимирской АЛОС (Николаевская область), влияние леса на почвы сказалось заметно слабее, а потому признаки их оподзоливания абсолютно не выражены. Между тем, первый исследователь почв данного объекта Г.П. Махов [3], находясь, как и все почвоведы того периода, в плену идей Коржинского о деградации черноземов под лесом, писал, что в почвах под лесными полосами Владимирской станции этот процесс протекает весьма интенсивно. Спустя почти 50 лет мы прошли по некоторым из проложенных им профилей и нигде не обнаружили в почвах признаков оподзоливания [7].

Но многие деяния Лысенко в тот период имели крайне негативные последствия. Одной из наиболее громких идей, развивавшихся им в разрез со всеми законами генетики, были идеи перерождения видов под влиянием условий среды. В одно из таких громких дел, связанных с этими идеями, оказался вовлеченным и Д.Г. Виленский. Декан Почвенного отделения Биолого-почвенного факультета МГУ, на котором находилась его кафедра, В.С. Дмитриев подал на соискание ученой степени доктора биологических наук диссертацию, темой которой было доказательство возможности перерождения вики в чечевицу*. И среди официальных оппонентов по ней оказался Виленский.

Защита диссертации проходила в одном из академических институтов. Она собрала огромную аудиторию, в том числе многих студентов из МГУ и ТСХА. Докладчик рассказал, что три года подряд он высевал на чистом от сорняков поле тщательно отсортированные семена вики, но ежегодно при сборе урожая среди вики оказывалось небольшое количество экземпляров чечевицы.

---

* Утверждать точно не берусь, возможно, что наоборот.

Лысенко, сидевший в президиуме, много куривший и иногда записывавший что-то на лежавшей перед ним пачке «Казбека», выступил как научный консультант диссертанта, держа в руках эту пачку. У него был в то время рак (или туберкулез) горла. Поэтому говорил он очень тихим хриплым голосом. Основная идея его выступления сводилась к следующему – уже доказано, что пшеница может перерождаться в рожь. Диссертант показал, что вика может перерождаться в чечевицу. Это его заслуга, за которую он достоин присуждения ученой степени доктора наук. Читавший свой отзыв Д.Г. Виленский ни разу не поднял глаз, чтобы взглянуть в зал. Наверное это был самый постыдный поступок, который ему пришлось совершить за всю свою жизнь. Заметим, что научная общественность не смогла успокоиться, и через несколько лет решение ВАК'а о присуждении этой ученой степени было аннулировано, возможно, впервые в истории отечественной науки.

Тем не менее, в последующем никаким видимым притеснениям Д.Г. Виленский не подвергался, хотя уже никогда не занимал того лидирующего положения в научных кругах почвоведов как ранее. Он продолжал заведовать кафедрой и читать лекции. Как и все заведующие кафедрами, получил прекрасную квартиру в новом здании МГУ. Сотрудники кафедры под его руководством участвовали в работе ряда крупных экспедиций по обследованию земель в зонах строительства Волго-Донского и Северо-Крымского каналов, Мещерской низменности, речных пойм Средней России. По инициативе Виленского при почвенно-картографических работах стали использоваться аэрометоды исследования почвенного покрова.

Д.Г. Виленский полагал обязательным постоянное участие кафедры в работах, имеющих большую народнохозяйственную значимость. Эта его особенность сложилась давно – в свое время он проводил почвенные исследования в зоне строительства Днепрогэса. При этом он всегда очень хорошо ориентировался в ситуации, уверенно оценивал перспективы различных мероприятий и всегда одним из первых подключался к выполнению

тех из них, которым предстояло большое будущее. За это его недолюбливали на факультете.

В связи со строительством нового здания Московского университета в 1949–1953 гг. и созданием в нем Музея землеведения под руководством Д.Г. Виленского была организована специальная экспедиция по отбору монолитных образцов главных типов почв в разных природных зонах. Вспомним в связи с этим, что по специально разработанной им методике почвенные монолиты отбирались для экспонирования на Первом Международном конгрессе почвоведов в Вашингтоне (1927).

В 1956 г. под руководством Виленского была начата многолетняя работа по почвенному районированию СССР в целях рационального использования земельных ресурсов страны. Однако завершена она была уже после его смерти. В пятидесятые годы Д.Г. Виленский много работал над созданием учебников. Первое издание его учебника «Почвоведение» для университетов вышло в 1950 г. Существенным его недостатком было явное гипертрофирование роли В.Р. Вильямса в развитии почвоведения. Переизданное же в 1954 и 1957 годах руководство Виленского представляет один из наиболее фундаментальных учебников почвоведения, безусловно, не потерявший своего значения и в наши дни.

Позже были изданы учебные пособия «История почвоведения в России» и «География почв». В целом Дмитрий Гермогенович опубликовал более 200 научных работ, среди них около 30-ти по ботанике и 180-ти – по почвоведению, в том числе 12 монографий и несколько десятков публикаций в энциклопедиях. Лекции Виленский читал не очень увлекательно, даже суховато, но всегда весьма содержательно, давая глубокий и разносторонний анализ излагаемого материала.

В чисто человеческом плане он был довольно замкнут и всегда внутренне сосредоточен. У него, как нам представляется, не было друзей в общепринятом смысле этого слова. Со всеми он поддерживал ровные деловые отношения. Его невозможно представить в компании, оживленно обсуждавшей какие-либо

злободневные проблемы. Никакие бытовые вопросы его абсолютно не занимали. Его трудно вспомнить не только смеющимся, но просто улыбающимся, также как и раздраженным или рассерженным. При этом Дмитрий Гермогенович отличался высокой интеллигентностью и деликатностью. Он, например, не мог сидеть в присутствии стоящей женщины. Если пришедшая к нему студентка не садилась на предлагаемый ей стул, Д.Г. Виленский вставал и стоял все время, пока решался вопрос, с которым подошла к нему особа, несмотря на то, что он был в три раза старше ее.

Но главным, что поражало и привлекало к нему внимание, была исключительная широка знаний и необыкновенная эрудиция. Для него не существовало слово «не знаю». Мы полагаем, он просто не представлял, как может оказаться какой-то вопрос, в котором он не разбирается. Вследствие особенностей своего характера – стремления до всего дойти самой, в процессе работы над дипломной работой, а дальше – над кандидатской диссертацией, я обращалась к Д.Г. Виленскому за советом всего два раза (помню и сейчас по каким вопросам) и каждый раз получала исчерпывающие объяснения. Но осознание того, что по любому вопросу всегда есть возможность получить разъяснения, всегда существовало и вселяло уверенность. Оно исчезло одновременно с его смертью, и сразу же кафедра потеряла какую-то свою особую ауру, показалась пустой. Хотя такое чувство от этой утраты испытывали не все, а в настоящее время некоторые молодые сотрудники, работающие на созданной им 70 лет назад кафедре, уже и не знают, кто это такой – Д.Г. Виленский.

Дмитрий Гермогенович скончался после непродолжительной болезни 13 февраля 1960 года на 68-м году жизни. Несмотря на то, что он находился на лечении в Кремлевской больнице, неправильно поставленный диагноз и соответствующее ему лечение сильно осложнили течение болезни и возможно явились причиной ее летального исхода. В целом же к тому периоду Д.Г. Виленский был еще достаточно крепок.

По-видимому, необщительный характер, отсутствие всякого стремления к контактам, определили тот факт, что занимаясь многие годы активной преподавательской деятельностью, Д.Г. Виленский не создал школы своих последователей и приверженцев. Но среди его учеников есть несколько крупных ученых. В Харькове под его руководством начинал научную деятельность один из наиболее уважаемых профессоров СХИ (ныне Харьковского аграрного университета) Алексей Михайлович Можейко (1902–1986), считавший Виленского своим учителем. В Москве это безусловно Глеб Всеволодович Добровольский, продолживший незавершенные им работы по почвенному районированию, на протяжении нескольких десятилетий заведовавший созданной им кафедрой и достигший всех самых значимых должностей и званий – Президента Всесоюзного, а далее Всероссийского общества почвоведов, главного редактора журнала «Почвоведение», академика ВАСХНИЛ и РАН.

Вспоминается в связи с этим как Д.Г. Виленский, уже на последних этапах своего творческого пути, подавал документы для прохождения членом-корреспондентом ВАСХНИЛ. Он собрал у себя на столе такую большую стопку своих публикаций, что за нею его совсем не было видно, хотя был он весьма крупной фигурой. Однако его не избрали. В связи с этим можно вспомнить еще более курьезные случаи о том, как во Французской академии провалили (причем дважды) Оноре де Бальзака, а в нашей Российской – Д.И. Менделеева, имевшего к тому периоду уже более 80 дипломов разных отечественных и зарубежных научных обществ и академий. Трудно объяснить такие факты, но есть в них что-то общее, объединяющее, что заставляло во всех этих случаях, практически вопреки здравому смыслу, принимать подобные решения.

Заслуживает всяческой благодарности предпринимаемая руководством Государственной научной сельскохозяйственной библиотеки УААН очень активная деятельность по возрождению памяти ученых, трудившихся на благо отечественной аграрной науки.

Список использованной литературы

1. *Вергунов В. А.* Нариси історії аграрної науки, освіти та техніки. Ч. 2 / В. А. Вергунов. – К. : Аграр. наука, 2008. – 564 с.
2. *Глинка К. Д.* Почвоведение / К. Д. Глинка. – 1-е изд. 1908. – 590 с. ; 6-е изд. – М. : Сельхозгиз, 1935. – 632 с.
3. *Махов Г. Г.* Почвенные исследования Мариупольской и Владимировской лесных дач в связи с проблемой полезащитного облесения степи / Г. Г. Махов // Тр. по лесному опытному делу Украины. – Х., 1930. – Вып. 14. – С. 79–167.
4. *Мигунова Е. С.* О характере почвообразования под пологом широколиственных древесных насаждений в степной зоне / Е. С. Мигунова // Биол. науки. – 1960. – № 1. – С. 53–60.
5. *Мигунова Е. С.* Леса и лесные земли (Количественная оценка взаимосвязей) // Е. С. Мигунова. – М. : Экология, 1993. – 362 с.
6. *Соколовский О. Н.* До питання про раціональну номенклатуру генетичних поземів у ґрунтах / О. Н. Соколовский // Тр. н.-д. кафедри ґрунтознавства. – Х., 1930. – Т. 1. – С. 99–109.
7. *Соколовский А. Н.* Борьба с фильтрацией осолонцеванием грунтов при постройке водоемов, каналов и плотин / А. Н. Соколовский. – М. : Сельхозгиз, 1952. – 72 с.
8. *Стадниченко В. Г.* Почвы искусственных лесов Степной зоны Украины / В. Г. Стадниченко // Искусственные леса Степной зоны Украины / Харьковский гос. ун-т. – Х., 1960. – С. 75–84.
9. *Ярилов А. А.* Наследство В. В. Докучаева / А. А. Ярилов // Почвоведение. – 1939. – № 3. – С. 7–19.